

Н. АРСЕНТЬЕВА, Ж. МОРИЛЬЯС

ИСПАНСКОЕ ДОСТОЕВСКОВЕДЕНИЕ: ИСТОКИ, ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Испанские переводы произведений Достоевского

Достоевский стал частью испанского культурного пространства более ста лет назад, на рубеже XIX–XX вв. В своих работах В.Е. Багно высказал мысль о том, что творчество Достоевского долгое время не было объектом специального изучения в Испании¹, однако можно утверждать, что оно представляет собой проблему более сложную, чем изучение рецепции И.С. Тургенева или Л.Н. Толстого. За время, прошедшее после первых публикаций переводов Достоевского, накопился солидный материал о его влиянии на испанскую культуру, но эта тема еще не получила должного освещения.

Опубликованные в начале прошлого столетия статьи «Россия в Испании» (1902) В.М. Дорошевича, «Русская литература в Испании» (1930) В.В. Рахманова и библиографический указатель Г. Портнова «Русская литература в Испании» (1932), а также статья В. Родригеса Бететы «Достоевский в Испании» (1936)² пробудили международный интерес к изучению испанской рецепции русской литературы в целом и Достоевского в частности. В 1960-е гг. ей уделяют внимание М.П. Алексеев, автор фундаментальной работы «Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв.» (1964), и Х. Силес Салинас, автор статьи «Достоевский в Испании» (1968)³. В следующее десятилетие выходят из печати статья «Первые переводы русской литературы в Испании и Америке» (1970) Г. Шанцера и его библиографический справочник «Русская литература в испанском мире» (1972)⁴, который охватывает почти все наследие Достоевского, изданное к тому времени в Испании и Латинской Америке. Обобщая опыт переводческой деятельности, связанной с его творчеством в испаноязычных

¹ Багно В.Е. 1) Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. Л.: Наука, 1982. С. 145; 2) Россия и Испания: общая граница. СПб.: Наука, 2006. С. 361.

² Rodríguez Beteta V. Dostoyevski en España // La Prensa. Buenos Aires. 17 de mayo. 1936. P. 2.

³ Siles Salinas J. Dostoiowski en España // Revista de estudios políticos. 1968. N 159–160. P. 267–271.

⁴ Schanzer G. O. Russian Literature in the Spanish World: a Bibliography. Literatura rusa en el mundo hispánico: bibliografía. Toronto: University of Toronto Press. 1972.

странах, и дополняя его новыми данными, Ю. Л. Оболенская защитила в МГУ диссертацию «Переводы Ф. М. Достоевского в Испании: исторический обзор и лексико-стилистический анализ» (1980), материалы которой позднее вошли в ее книгу «Диалог культур и диалектика перевода. Судьбы произведений русских писателей XIX века в Испании и Латинской Америке»⁵. С акцентом на критическое осмысление творчества русских писателей в Испании А. Грэйс Мегвинов защитил в 1975 г. диссертацию, содержащую ряд ценных сведений о восприятии Достоевского испанской художественной интеллигенцией начала XX в.⁶ Это исследование в дальнейшем было продолжено У. Эджертоном в работе «Испанские и португальские отклики на творчество Достоевского»⁷.

Вышеуказанные источники в целом дают достаточно полное представление о переводах и критических откликах на творчество Достоевского в Испании. Дополненные в настоящей статье анализом ранее не привлекавшихся к рассмотрению сведений, они позволяют в общих чертах обрисовать историю вхождения феномена Достоевского в сознание испанской творческой элиты.

Когда и в связи с чем появились в Испании первые переводы Достоевского? Анонимный обзор «Современное состояние русской литературы» 1852 г. в «Испанском живописном еженедельнике»⁸, похоже, остался без внимания в испанской читающей среде, не получив сколько-нибудь заметного резонанса. Заслуга возникновения в Испании переводов Достоевского принадлежит писательнице и графине Эмилии Пардо Басан. Имя Достоевского прозвучало в ее лекциях, прочитанных в мадридском «Атенее» 3, 20 и 27 апреля 1887 г. Но ее первоначальный отзыв о Достоевском как о писателе-«визионере», «болезненном» и «невротическом», невольно стал камнем преткновения в деле распространения в Испании творчества Достоевского, хотя сама графиня не только способствовала появлению первых переводов Достоевского в Испании, но и сопровождала один из них предисловием⁹.

Большой интерес к творчеству русского писателя проявляли литературно-художественные журналы. Первые данные о переводах Достоевского на испанский язык появляются в журнале «Современная Испания»¹⁰.

⁵ Оболенская Ю. Л. Диалог культур и диалектика перевода: судьбы произведений русских писателей XIX века в Испании и Латинской Америке. М.: МГУ, 1998.

⁶ Megwinoff A. G. E. Recepción de la literatura rusa en España: 1889–1920. Tesis doctoral defendida en la Universidad Complutense de Madrid en 1975.

⁷ Edgerton W. B. Spanish and Portuguese Responses to Dostoevskij // *Revue de littérature comparée*. 1981. N 55 (3/4). P. 419–438.

⁸ Estado actual de la literatura rusa // *Semanario pintoresco español*. 1852. N 17. P. 398–399.

⁹ Об этих лекциях см. в разделе о литературной рецепции русского писателя.

¹⁰ См. об этом: Monforte R. Las ediciones periódicas como factor clave en la difusión de la literatura rusa durante la segunda mitad del siglo XIX // M. Giné, S. Hibbs (eds.).

В 1890 г. увидел свет перевод рассказа «Столетняя» («La Centenaria») ¹¹ и следом за ним рассказов «Елка и свадьба» («Cálculo exacto») ¹², «Мужик Марей» («El Mugik Marey») ¹³, «Неточка Незванова» («Alma de niña») ¹⁴ и «Чужая жена и муж под кроватью» («La mujer de otro») ¹⁵.

Первым «большим» произведением Достоевского, переведенным в Испании, были «Записки из Мертвого дома». В 1899 г. вышла из печати «первая» часть, с легкой руки издательства озаглавленная «La casa de los muertos» («Дом мертвецов») и имеющая подзаголовок «Memorias de mi vida en la cárcel de Siberia» («Воспоминания о жизни в сибирской тюрьме») ¹⁶. Публикацию предвляло предисловие Э. Пардо Басан. В следующем году было опубликовано «продолжение» — «La novela del presidio. La vida plural» («Тюремный роман. Жизнь сообща»), с подзаголовком «Segunda parte de «La casa de los muertos» («Вторая часть „Дома мертвецов“»). Это произведение издавалось позже под другими заглавиями с целью привлечения внимания читателей: здесь и «Сибирские заключенные», и «Эпизоды тюремной жизни» ¹⁷, и «Заживо погребенные» ¹⁸,

Traducción y cultura / Translation and Culture: La literatura traducida en la prensa hispánica (1868–1998) / Translated literature in the hispanic press (1868–1998). Relaciones literarias en el ámbito hispánico: traducción, literatura y cultura. Berna: Peter Lang, 2010. P. 307–318; *Torquemada J.* Escritores rusos en la prensa española del siglo XIX: crónica de Ricardo Becerro de Bengoa en la Ilustración Española y Americana // *Ibid.* P. 341–350.

¹¹ La España Moderna. 1890. T. XVIII. Junio. P. 167–174.

¹² *Ibid.* 1890. T. XXII. Octubre. P. 25–33. Этот рассказ впоследствии будет напечатан в южноамериканских журналах, а также в барселонском издательстве Маукси.

¹³ *Ibid.* 1891. T. XXXII. Agosto. P. 192–199. В примечании на с. 194 издательством предвлялась публикация «Дома мертвых» — «одного из самых драгоценных сокровищ русской литературы».

¹⁴ Под этим заглавием «Неточка Незванова» впервые была издана в виде брошюры Рамонем Ортсом Рамосом: *Dostoiewsky H. [sic!]. Alma de niña.* Barcelona: Sopena, 1900. Издатель Антонио Лопес выпустил ее отдельной брошюрой в переводе Серры Торквато Тассо, под заглавием «Детская душа»: *Dostoiewsky T. Alma infantil / trad. de Torcuato Tasso Serra,* Barcelona: Antonio López Editor. Librería Española, 1903. В 1906 г., с февраля по апрель, повесть выходила без указания имени переводчика в журнале «Современная Испания»: *Dostoiewsky T. Alma de niña // La España Moderna.* 1906. T. CCVI, CCVII–CCVIII. Febrero, marzo–abril. P. 122–160, 135–165, 125–161.

¹⁵ La España Moderna. 1907. T. CCXVIII–CCXIX. Febrero–marzo. P. 149–166, 129–152. Вспомним в связи с этим, что в барселонском журнале «Художественная иллюстрация» («La Ilustración artística») 24 декабря 1900 г. был опубликован рассказ Достоевского «Елка и свадьба» под заглавием «Рождественская елка» («El árbol de Navidad»). P. 827–830.

¹⁶ *Dostoyevsky F. La casa de los muertos: (Memorias de mi vida en la cárcel de Siberia).* La España Moderna. 1892 (заглавие подлинника следовало бы перевести «Apuntes de la casa muerta»).

¹⁷ *Dostoyewski F. Los presidios de Siberia: cuadros carcelarios / Trad. de Augusto Riera.* Barcelona: Maucsi. 1903. Позже этот перевод будет переиздан в том же издательстве, но под заглавием «Дом мертвецов. Узники Сибири» («La Casa de los Muertos. Los presidios de Siberia»).

¹⁸ *Dostojewski F. El sepulcro de los vivos / Trad. y prólogo de Pedro Pedraza y Páez.* Barcelona: Sopena, (1917 или 1920?).

и «Воспоминания о Мертвом доме»¹⁹, и «Дом мертвецов»²⁰, а также «Воспоминания о доме мертвецов»²¹.

Вскоре в Испании образовался настоящий издательский бум, связанный с именем Достоевского, в свет вышли почти одновременно: «Записки из подполья» (в переводе — «Дух подполья») ²², «Преступление и наказание» ²³, «Игрок» ²⁴, «Белые ночи» ²⁵, «Село Степанчиково и его обитатели» (в переводе — «Село Степанчиково») ²⁶, «Бедные люди» ²⁷,

¹⁹ *Dostoevsky F. Memorias de la casa muerta / Trad. por G. Portnoff. Madrid: Atenea, 1923.*

²⁰ *Dostoiewsky F. La casa de los muertos / Trad. de Antonio J. Onieva. Madrid: Sdad. Gral. Esp. de Libr., 1923.* Под тем же заглавием перевел это произведение в 1928 г. Педро Пеллисена для мадридского издательства «Латинский мир» («Mundo Latino»).

²¹ *Dostoiewski F. Recuerdos de la casa de los muertos / Trad. de José Baeza, edición ilustrada por Manuel Jorge. Barcelona: Juventud, 1962.*

²² *Dostoiewsky F. El Espíritu subterráneo / Versión española de Francisco F. Villegas (Zeda). Madrid: Librería Internacional, 1900.* В других изданиях «Записки из подполья» выходят под заглавиями «Дух подполья» (*El Espíritu subterráneo / Adaptación castellana por Mario Verdaguer. Barcelona: Maucci, ca. 1920 (2-е изд. — 1931?)*); «Подполье» в составе сборника: *Tres novelas (El subsuelo, El cocodrilo y Projarchin) / Versión castellana de R. Cansinos Assens. Madrid: Biblioteca Nueva, 1920*; «Внутренний голос (Подпольный роман)» (*La voz interior (La novela del subterráneo) / Trad. de Eduardo de Guzmán. Barcelona: Editorial Jasón, 1929*); «Заметки из подполья» (*Notas desde el subterráneo / Trad. de Alfonso Nadal. Madrid: La Nave, 1932*).

²³ *Dostoiewsky F. Crimen y castigo / Trad. de Francisco F. Villegas (Zeda). Madrid: Editorial Fe, 1901.* Среди других изданий этого произведения считаем необходимым упомянуть также версию переводчика Альфонсо Надаля (*Madrid: La Nave, 1930, 2 vols.*). В 1961 г. роман был опубликован в серии «Народное литературное собрание», в двух частях, озаглавленных «Преступление и наказание» («*Crimen y castigo*») и «Соня» («*Sonia*»).

²⁴ *Dostoiewski F. El jugador. Las noches blancas / Trad. de Eusebio Sierra. Barcelona: Maucci, 1902* (перевод Эусебио Сьерры с последующими переизданиями). Этот роман в числе прочего переводили также Х. Инсуа (*Un jugador. Las noches blancas. Madrid: Editorial Mundo Latino, 1928*), Альфонсо Надаль (*El Jugador. Madrid: La Nave, 1928*), Асис Родский (*Un jugador. Novela autobiográfica. Barcelona: Editorial Jasón, 1930*) и Марио Вердагер (*Un jugador. Barcelona: Maucci, 1931*).

²⁵ См. предыдущую сноску, а также: *Dostoiewsky F. Las noches blancas. Ilucha / Trad. y prólogo de E. Salazar y Chapeta. Madrid: Compañía Ibero-Americana de Publicaciones, 1929.*

²⁶ Повесть публиковалась также под заглавиями «Степанчиково» (*Stepantchikovo / Trad. de R. Baeza y R. Z. Zhukovski. Madrid, 1918*); «Село Степанчиково и его обитатели» (*La aldea de Stepantchikovo y sus moradores. Madrid: La Nave, 1928*); «Степанчиково и его обитатели» (*Stepanchikovo y sus habitantes / Versión castellana y nota preliminar de Joaquín Balanya Macip. Barcelona: Maucci, s. a.*).

²⁷ Перевод Фернандо Аккаме: *Dostoiewsky F. La pobre gente. Novela. Barcelona: Maucci, s. a.* (около 1910 г.). Новый перевод под тем же заглавием осуществил в 1923 г. Фернандо де ла Милья (*Madrid: V. H. Sanz Calleja*). В 1930 г. «Бедные люди» переведены Альфонсо Надалем для Полного собрания сочинений Достоевского (*Madrid: La Nave*). В 1931 г. роман в переводе П. Шостаковского и Н. Переса де ла Оса выходит в мадридском издательстве «Возрождение» («*Renacimiento*»).

«Униженные и оскорбленные»²⁸, «Идиот»²⁹, «Двойник»³⁰, «Подросток»³¹, «Братья Карамазовы»³², «Бесы»³³ и многие другие произведения³⁴.

²⁸ Роман впервые переведен в 1918 г., но в сокращении (*Dostoïevsky Th. Humillados y ofendidos (novela)* / Trad. de Mariano de Mazas. Madrid: V.H. de Sanz Calleja.), полный текст в переводе Х. Инсуа вышел в 1928 г. (Madrid: Mundo Latino). Заново переведен А. Надалем в 1932 г. (Madrid: La Nave). Выдержки из этого произведения в переводе на испанский с французских изданий, изрядно пострадавших от издательского произвола, публиковались под заглавиями «Годы унижений» (*Años de humillación* / Trad. directa del ruso [*sic*] de Joaquín Balanyá Macip. Barcelona: Maucci, 1917); «Этапы безумия» (*Las etapas de la locura, versión castellana de Cristóbal Litrán. Barcelona: Alfredo R. Roglán, 1921 (1927)*); «Катя (Роман о страдающей душе)» (*Katia: (una novela de un alma atormentada)* / Trad. de Eduardo de Guzmán. Barcelona: Editorial Jasón, 1929).

²⁹ В сокращении: *Dostojewski [Dostoyuski] F. El Príncipe idiota* / Trad. de Pedro Pedraza y Páez. Barcelona: Sopena, 1920 (несколько переизданий). Первое полное издание: *Dostoïevski F. El idiota* / Trad. de Carmen Abreu. Madrid: Atenea, 1926 (3 vols.).

³⁰ *Dostoïevski. F. El doble* / Trad. directa del ruso de G. Levachov. Madrid: Atenea, 1920. Перевод А. Надаля — Madrid: La Nave, 1930.

³¹ *Dostoïevsky F. Un adolescente* / Trad. de Carmen Abreu. Madrid: Atenea, 1922 (2 vols.).

³² *Dostoyevsky F. Los hermanos Karamazov (Los sensuales). Novela* / [Trad. de Francisco Cañadas]. Barcelona: Publicaciones Mundial s. a (1923?). Другие переводы: 1) Trad. de Francisco Cañadas. Barcelona: Maucci, 1924; 2) Primera versión íntegra al castellano por F. Azzati. Valencia: Editorial Sempere, 1924 (2 vols.); 3) Trad. de Alfonso Nadal. Madrid: Atenea, 1927 (4 vols.); 4) Trad. directa del ruso por Nicolás Hartong, prólogo de Juan Chabás. Barcelona: Ed. Cervantes, 1931 (3 vols.). В переводе с французского роман издавался в Испании отдельными частями под заглавиями «Недоросли. Роман Достоевского» (*Los precoces. Novela por Dostoïevski* / Trad. de Joaquín Montaner. Madrid: Estrella, 1919); «Мальчики» (*Los muchachos* / Trad. de Alfonso Nadal. Barcelona: Ed. Cervantes, 1923); «Бородки клинышком» (*Barbas de estopa* / Trad. de Carmen Abreu. Madrid: Ed. Biblos, 1927); «Белые ночи. Илюша» (*Las noches blancas. Ilucha* / Trad. y prólogo de E. Salazar y Chapelá. Madrid: Compañía Ibero-Americana de Publicaciones, 1929); «Несчастный Илюша. Весь роман» (*El pobrecito Ilucha: una novela completa / Без указания имени переводчика. Madrid: Diana, 1944*); «Илюша» (*Iliuscha / Без указания имени переводчика. Madrid: Ediciones Cid, 1954*); «Суд над Дмитрием Карамазовым» в «Антологии лучших детективов» (*El juicio de Demetrio Karamazov // Antología de las Mejores Novelas Policiales, selección de Antonino González Morales, José A. Llorens y Ana Perales. Barcelona: Ediciones Acervo, 1959. P. 59–164*), а также в «Антологии детективов и ужасов» (*El juicio de Demetrio Karamazov / Без указания имени переводчика // Selección de relatos policíacos y terror. Vol. III. Barcelona: Editorial Cedro, 1977. P. 33–145*).

³³ *Dostoyevsky F. Los endemoniados. Novela* / Trad. del ruso por el barón Jorge de Meyendorff. Madrid: Calpe, 1924 (3 vols.). Этому изданию предшествовала публикация фрагментов, озаглавленных «Исповедь Ставрогина», и набросок «Жизни Великого грешника» с комментариями, см.: *La confesión de Stavrogin y el plan de La «Vida de un Gran Pecador»*, con notas explicativas / Trad. por E. Torralba Beci. Madrid: Renacimiento, 1923. В 1945 г. в серии «Победа Барселонь» («Victoria de Barcelona») в новом переводе Ф. Оливера Брочфелда роман был опубликован по «санкт-петербургской версии».

³⁴ См., напр.: «Дневник писателя (избранное)» (*Diario de un escritor (selección)* / Trad. de J. García Mercadal. Madrid: Sucesores de Rivadeneyra, 1923); «Хозяйка и две маленькие повести» (*La patrona. Más dos historias breves* / Trad. de José Ferrándiz. Valencia: Sempere, 1924); «Честный вор» (*Un ladrón honrado* / Trad. de J. García Mercadal. Madrid: Sucesores de Rivadeneyra, 1928); «Шут, буржуа и другие очерки» (*El bufón, el burgués y otros ensayos /*

Издательство «Atenea» / «La Nave» в 1920-е гг. выпустило собрание сочинений Достоевского в переводах Альфонсо Надаля и др.³⁵ Однако большинство переводов осуществлялось с других языков. В 1935 г. увидело свет более репрезентативное двухтомное Полное собрание сочинений — итог многолетней работы литературного критика и писателя Рафаэля Кансиноса Ассенса³⁶.

Гражданская война в Испании и мировая война стали основной причиной спада издательского интереса к Достоевскому, как впрочем, и ко многим другим русским писателям в Испании. В этой связи следует отметить деятельность переводчика Х. Куэнка Гранча, который в разгар «мертвого сезона» сдал в печать переводы целого ряда рассказов и повестей Достоевского, опубликованных барселонским издательством Маукси³⁷. Одновременно вышли из печати переводы рассказов «Слабое сердце» и «Бобок», выполненные П. Рибесом³⁸. После долгого перерыва, с возвращением репатриантов из Советской России в Испанию, издание переводов Достоевского несколько оживилось. Благодаря им в то время, когда Достоевский в самой России оказался жертвой «пролетарского подхода» к его творчеству³⁹, в Испании он стал одним из самых популярных и читаемых зарубежных писателей. Заслуга возрождения интереса к творчеству Достоевского в Испании всецело принадлежит Августо Видалю, объединившему усилия лучших переводчиков для того, чтобы заново подготовить Полное собрание сочинений по заказу Хосе Марии Бойкса для барселонского издательства «Вергара». Это издание, над которым вме-

Versión española de E. Barriobero y Herrán. Madrid: Mundo Latino, 1929); «Вечный муж» (El eterno marido / Trad. de Julio González. Barcelona: Ed. Jasón, 1930); «Жизнь после смерти» (Un trance apurado / Trad. de Alfonso Nadal. Barcelona: Apolo, 1939); «Сон смешного человека. Фантастические рассказы» (El sueño de un hombre ridículo. Narraciones fantásticas / Madrid: Editorial Páez, s. a.); «Ставки сделаны!» («No va más!») / Versión castellana de Rosendo Diéguez, Miguel Guerrero ed. Barcelona, s.a. [1920?]).

³⁵ *Dostoyewski F.M. Obras completas* / Trad. de Alfonso Nadal y otros. Madrid: Atenea / La Nave, 1926–1932 (16 vols.).

³⁶ *Dostoyewski F.M. Obras completas*. T. I: (1844–1870) / Biografía, traducción y notas de Rafael Cansinos Assens; T. II: (1870–1881). Madrid: Ed. Aguilar. 1935. Четвертое издание (1949), исправленное и дополненное другими произведениями, вышло в четырех томах.

³⁷ *La mujer de otro. La patrona* («Чужая жена и муж под кроватью», «Хозяйка», 1940); *El sueño de un hombre ridículo. Era mansa y tímida. Un ladrón honrado. Bobok* («Сон смешного человека», «Она была тихой и кроткой», «Честный вор», «Бобок»; 1944?); *Un corazón débil, Polsunkov, Un trance apurado* («Слабое сердце», «Ползунков», «Жизнь после смерти»; 1944); *Las noches blancas* (novela sentimental). *Un árbol de Navidad y una boda. El señor de Projarchin* («Белые ночи» (Сентиментальный роман), «Елка и свадьба», «Господин Прохарчин»; 1945).

³⁸ Обе книги («Bobok», «Corazón débil») вышли в 1943 г. (Barcelona: M. Arimany, 1943).

³⁹ См., например: *Никитина Ф.Г. Работы о Достоевском П.С. Попова // Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 18. СПб, 2007. С. 391.

сте с А. Видалем работали Хуан Луис Абольядо, Викториано Имберт, Лидия Купер и Хосе Лаин Энтралго⁴⁰, вышло в свет в 1969 г.; в него были включены основательная вступительная статья испанского философа Хосе Луиса Лопеса Арангурена «Христианство Достоевского» и пространный биографический очерк Августо Видаля⁴¹. Полное собрание сочинений под редакцией А. Видаля, исправленное и дополненное, выдержало еще одно переиздание, с новой вступительной статьей⁴². В дальнейшем появлялись и новые переводы. В первую очередь следует назвать «Дневник писателя»⁴³, ранее публиковавшийся лишь в отрывках.

Отдельным иллюстрированным изданием в переводе Х. Доминго были опубликованы «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы»⁴⁴.

В наши дни произведения Достоевского не только продолжают переиздаваться в Испании, но и заново переводятся⁴⁵. Эту серьезную работу взяли на себя Рикардо Сан Висенте⁴⁶, профессиональный переводчик, живущий в Барселоне, и переехавшая из Москвы в Мадрид писательница Изабелла Мартинес Фернандес, в последнее время пишущая под псевдонимом Бела Мартынова⁴⁷, а также переводчицы Сельма Ансире⁴⁸ и Наталья Ульянова⁴⁹.

Задачу вновь перевести на испанский язык основные романы Достоевского поставил перед собой Хуан Лопес Морильяс⁵⁰. Убеденный противник переводов произведений русской литературы с языка-

⁴⁰ *Dostoievski F. Obras completas / Edición en castellano dirigida y prologada por Augusto Vidal. Con un estudio preliminar de José Luis L. Aranguren. Barcelona: Editorial Vergara, 1969 (9 vols.).*

⁴¹ Вступительная статья Арангурена («El cristianismo de Dostoievski») будет выпущена впоследствии отдельной книгой в мадридском издательстве «Тауро» («Tauro», 1970), а предисловие Видаля («Dostoievski, vida y obra (Introducción a la lectura de la novelística dostoievskiana)») выйдет спустя три года в барселонском издательстве «Баррал» («Barral»).

⁴² В 2009 г. вышел первый том, на 2013 г. намечен выпуск пятого тома.

⁴³ *Dostoievski F. Diario de un escritor. Crónicas, artículos, crítica y apuntes / Ed. de Paul Viejo. Trad. de Eugenia Bulátova, Elisa de Beaumont y Liudmila Rabdanó. Madrid: Páginas de Espuma, 2010.*

⁴⁴ *Dostoievski F. Crimen y castigo y los hermanos Karamazov / Pról. de José Domingo. Ilustraciones de Ramón Aguilar More. Barcelona: Ediciones Nauta, 1968.*

⁴⁵ В их числе можно упомянуть произведения в переводе Фернандо Отеро и Хосе Игнасио Лопеса, выполненные для барселонского издательства «Альба» («Alba»).

⁴⁶ Издатель собрания сочинений Достоевского под редакцией А. Видаля, выпущенного издательством «Галаксиа Гутенберг» / «Круг Чтения», известен изданием переводов А. Пушкина, Л. Толстого, А. Чехова, М. Булгакова, С. Довлатова, О. Голанова и многих других русских писателей.

⁴⁷ *Dostoievski F. M. Cuentos. Madrid: Ediciones Siruela, 2007.*

⁴⁸ Переводила также Толстого, Булгакова, Тургенева, Бунина, Берберову, Цветаеву и др.

⁴⁹ Переводчица Достоевского и Пастернака.

⁵⁰ Переводчик Достоевского, Гоголя, Толстого, Тургенева, Чехова и др.

посредника, он убедительно показал в статье «Достоевский по-испански. Гений и личность (Заметки переводчика)»⁵¹, что подобный опыт приводит к существенным искажениям изначального текста. Действительно, качество многих ранних переводов Достоевского, выполненных, как правило, с французских, английских и немецких источников, оставляло желать лучшего, а многие были откровенно слабы, изобилуя неточностями, пропусками фрагментов и художественных деталей, и даже страдали неверной передачей заглавий из соображений конъюнктуры и стремления «сгладить» «нервный» стиль писателя. Закладывая теоретическую базу под перевод художественных произведений, Лопес Морильяс раскрывает секреты того, как можно добиться вполне удовлетворительной имитации индивидуального стиля писателя в переводном произведении.

Работы биографического характера

Среди переводчиков — авторов кратких биографий Достоевского были выдающиеся люди, один из них — Зеда, писавший под псевдонимом Франциско Ф. Вильегаса. Его перу принадлежит биографический этюд «Достоевский», опубликованный в журнале «Эпоха» («La Época») 15 июля 1900 г.⁵² Другой ранний биографический очерк, озаглавленный «Федор Достоевский (1821–1881)», написанный переводчиком из Белоруссии Николаем Тасиным, был опубликован в журнале «Испания» («España») в 1919 г.⁵³

Первые впечатления испанских критиков о личных качествах Достоевского почерпнуты испанцами из зарубежной мемуарной литературы. Здесь были известны письма жены Достоевского Анны Григорьевны⁵⁴ и воспоминания его дочери Любови Федоровны⁵⁵.

⁵¹ *López-Morillas J.* Genio y figura de Dostoievski en español (Apuntes de un traductor) // B. I. L. I. (Boletín de la Institución Libre de Enseñanza, Madrid). 1988. N 5. Jun. P. 65–76.

⁵² *Zeda (Francisco F. Villegas).* Dostoyevski // La Época. 1900. 15 de julio. P. 1–2.

⁵³ *Tasin N.* Fedor Dostoyevsky (1821–1881) // España. 1919. 1 de mayo. P. 15–16.

⁵⁴ *Cartas de Dostoyevsky a su mujer. 1866–1874* / Trad. de N. S. Palencia. Precedida de un estudio de Ana Grigorievna, segunda mujer de Dostoyevsky, por Mario Verdaguer. Barcelona: Editorial Apolo, 1937; *Cartas de Dostoyevsky a su mujer. 1867–1880* / Trad. de N. S. Palencia. Precedida de un estudio de Ana Grigorievna, segunda mujer de Dostoyevsky por Mario Verdaguer. Barcelona: Editorial Apolo, 1944 (2-е изд., испр. и доп.); *Cartas inéditas de Dostoyevski: con cinco ensayos de Dostoyevski no incluidos hasta ahora en ninguna edición española.* Contiene además: «Sobre los Petrakevtsi. La vida de San Petersburgo» / Trad. de Daniel Villena. Madrid: Editorial Carlos-Jaime, [194?].

⁵⁵ См.: *Baeza R.* Dostoyevsky contado por su hija. La vida sentimental de Dostoyevsky // El Sol (19. II. 1921). P. 1; *Dostoyevsky íntimo* // Ibid. (20. II. 1921). P. 1. Испанцы читали книгу дочери Достоевского по-французски. Испанский перевод вышел в 1942 г. (*Dostoyevski A.* Vida de Dostoyevski por su hija / Trad. de Huberto Pérez de la Ossa. Madrid: Editorial Mundo Latino. [1927?] / Biblioteca Nueva. Buenos Aires, 1942).

Недостовверные сведения о писателе подверг критике журналист, переводчик и литературный деятель Р. Баэса в серии своих очерков. Так, в очерке «Достоевский, „нехороший человек“», ссылаясь на вдову писателя, он опровергает слух о якобы имевших место случаях жестокости Достоевского в обращении со слугой в Швейцарии и о соращении им несовершеннолетней⁵⁶. Этот очерк, наряду с другими заметками, вошел в книгу Баэсы «Понимание Достоевского и другие очерки»⁵⁷.

Нельзя не упомянуть и небольшое исследование К. Варгаса, посвященное творческому процессу у Достоевского⁵⁸, а также книгу А. Доносо «Достоевский, Ренан и Перес Гальдо», в которой дается сжатый биографический очерк с кратким анализом основных произведений писателя⁵⁹. Личность Достоевского не была обойдена вниманием и в дальнейшем. Заслуживает внимания биография Достоевского, написанная А. Х. Ониевой, «Низость и величие Достоевского» (1954), через год опубликованная под заглавием «Биография Достоевского» и удостоенная литературной премии «Аэдос»⁶⁰. Важным вкладом в изучение жизни и творчества Достоевского того же периода были статьи биографического характера, написанные Августо Видалем, впоследствии объединенные в книгу «Достоевский». Вышедшая в свет в 1972 г. в барселонском издательстве «Баррал» («Barral») и переизданная в 1990 г. под заглавием «Достоевский, художник и человек» (1990), она отличается полнотой и разносторонним анализом произведений писателя и служит надежным путеводителем для читателей в сложный мир творчества Достоевского⁶¹.

В 1970-е гг. вышел в свет биографический очерк «Два Достоевских». Помещенный в книгу «Перстень Пушкина» его автором, мастером современной испанской художественной прозы Х. Э. Суньигой, он представляет собой эмоциональный и довольно самобытный, но весьма тенденциозный взгляд на Достоевского с позиций представителя либерально-демократического направления в испанской литературе, своего рода возврат к периодизации жизни Достоевского на основе ее деления на «либеральный» и «реакционный» периоды⁶². В 1996 г. вышел написанный в том же жанре художественной биографии очерк о Досто-

⁵⁶ См.: *Baeza R. Dostoiewsky, «mala persona» // El Sol* (24. XII. 1926). P. 2; *Ibid.* (1. I. 1927). P. 2; *Ibid.* (6. I. 1927). P. 3. История полемики о Достоевском свидетельствует, насколько противоречивой представлялась испанцам фигура этого гения русской литературы.

⁵⁷ *Baeza R. Comprensión de Dostoiewsky y otros ensayos. Barcelona: Juventud, 1935.*

⁵⁸ *Bargas C. Dostoiévski, dictador // Revista de Occidente. 1923. Oct. P. 132–135.*

⁵⁹ *Donoso A. Dostoiévski, Renán, Pérez Galdós. Madrid: Saturnino Calleja, 1925.*

⁶⁰ *Onieva A. J. Bajeza y grandeza de Dostoiévski. Barcelona: Aedos, 1954.*

⁶¹ *Vidal A. 1) Dostoiévski. Barcelona: Barral, 1972. 2) Dostoyevski: el hombre y el artista, Barcelona: Círculo de Lectores, 1990.*

⁶² *Zúñiga J.E. El doble Dostoyevski // Zúñiga J.E. El anillo de Pushkin. Madrid: Alfaguara, 1992. P. 139–146.*

евском писательницы Белы Мартыновой⁶³. К этому надо добавить, что на испанский язык были переведены практически все достойные внимания зарубежные биографии писателя⁶⁴.

Литературно-критическая рецепция наследия Достоевского и его влияние на художественное сознание испанских писателей и философов XX в.

Начало литературно-критической рецепции произведений Достоевского в Испании относится к концу XIX — началу XX в. Сначала это были всего лишь беглые упоминания его имени. Так, автор журнальной заметки «Литература славянских народов», представляя в 1867 г. творчество Гоголя, замечает, что у него были последователи, и выделяет Достоевского как автора эпистолярного романа «Бедные люди», отдаленно напоминающего «Страдания юного Вертера» Гёте⁶⁵. Так же вскользь упоминается русский писатель и в других испанских журналах 1880-х гг.⁶⁶ Имя Достоевского встречается и в книге Х. Б. Пастора Айкарта о современном романе. Ее автор в числе прочего замечает, что, несмотря на удручающее в целом состояние современной литературы, его обнадеживает творческий опыт москвитян: «нельзя не возрадоваться и не испытать чувства гордости, когда мы видим перед собой Толстого, реалиста до мозга костей, но лишённого бесстыдства и непристойностей Золя», как нельзя и не облиться слезами, читая Достоевского, автора романа «Братья Карамазовы», в котором все — «сплошное обаяние, текучесть, правда и чувство»⁶⁷.

Беспрецедентный, по свидетельствам того времени, успех у испанских слушателей и журналистов вызвали уже упомянутые лекции по русской литературе графини Э. Пардо Басан⁶⁸, в которых она при-

⁶³ *Martínez I. (Bela Martinova) Dostoievski, 1821–1881.* Madrid: Ediciones del Orto, 1996.

⁶⁴ См., например: *Troyat H. Dostoyevski / Trad. de Irene Andresco.* Barcelona: Destino, 1946; *Kjetsaa G. La vida de un escritor / Trad. de Anibal Leal.* Buenos Aires: Editorial Vergara, 1989; была издана и пятитомная биография Достоевского, написанная Дж. Франком (*Frank J. Dostoievski: las semillas de la rebelión, 1821–1849 / Trad. de Celia Haydée Paschero,* México: F.C.E., 1984; *Dostoievski: los años de prueba, 1850–1859 / Trad. de Jaime Retif del Moral,* México: F.C.E., 1986; *Dostoievski: la escuela de la liberación, 1860–1865 / Trad. de Juan José Utrilla,* México: F.C.E., 1993 [reed. 2010]; *Dostoievski: los años milagrosos, 1865–1871 / Trad. de Mónica Utrilla,* México: F.C.E., 1997 [reed. 2010]; *Dostoievski: el manto del profeta, 1871–1881 / Trad. de Juan José Utrilla,* México: F.C.E., 2010).

⁶⁵ *La literatura de los pueblos slavos [sic] // El Museo Universal.* 1867. 31 de marzo. P. 100.

⁶⁶ *Serrate J. M. Revista Europea // La Ilustración,* 1881. 26 de junio. P. 273–277; *García Ramón L. Cartas de París (20 de Setiembre de 1886) // Revista Contemporánea.* 1886. T. LXII. 30 de septiembre. P. 589–599.

⁶⁷ *Pastor Aicart J. B. La novela moderna. Cartas críticas. Con un epílogo postdata de D. Juan Barcia Caballero,* Alcoy: Francisco Company, 1886. P. 235.

⁶⁸ Лекции были опубликованы в том же году и имели огромный успех.

знавалась, что Достоевский был писателем, который ввел ее «в мрачноватый портал русской литературы»⁶⁹. Прочитав его роман «Преступление и наказание», будучи в 1885 г. во Франции⁷⁰, она составила собственное мнение о Достоевском, хотя некоторые ее суждения заимствованы из книги Вогюэ «Русский роман»⁷¹. Будучи художником религиозно-философской ориентации, она воспринимала Достоевского как мистика, изображающего жизнь «сквозь тусклое стекло своей туманной мысли и не менее туманного мировосприятия»⁷². По мнению писательницы, с появлением Достоевского европейский роман обрел совершенно новый смысл, утратив свойственную ему классическую ясность и гармонию, поразив читателя образами, находящимися «в непрестанном поиске истины и смысла бытия, с исступлением, свойственным душевной природе русского человека, плоти от плоти сына своей земли»⁷³. И в этом ей видится «какая-то изуверская, извращенная, сатанинская красота» прозы Достоевского, «столь же напряженной, сколь и величественной, подавляющей своей мощью». Отблески этой странной красоты и мира, в котором «ужас прекрасен, отчаяние утешительно, а постыдное возвышенно», она находит и в «Записках из Мертвого дома», сравнимых, по ее словам, разве что с «комедией» Данте⁷⁴, и в «Преступлении и наказании», перед которым меркнут даже самые гениальные художественные открытия Э. По, знаменитого своей суггестивной и драматически напряженной психологической прозой. Все это не мешает Пардо Басан награждать Достоевского, как уже отмечалось, нелестными определениями вроде «комка нервов», «гитары с туго натянутыми струнами», «эпилептика» и «сновидца»⁷⁵. Но именно книга Пардо Басан дает импульс к критическому осмыслению писателя,

⁶⁹ Pardo Bazán E. La revolución y la novela en Rusia (Lecturas en el Ateneo de Madrid). Madrid: Renacimiento, 1909. P. 374.

⁷⁰ Графиня Пардо Басан упоминает перевод Виктора Делери, опубликованный в Париже в 1884 г. издательством «Plon». В личной библиотеке Пардо Басан имелись следующие переводные издания Достоевского: *Alma infantil* / Trad. de Torcuato Tasso Serra. Barcelona: Antonio López Editor, 1903; *Crimen y castigo* / Trad. de Eusebio Heras. Barcelona: Maucci, 1903; *El Espíritu subterráneo* / Trad. de Francisco F. Villegas (Zeda). Madrid: Librería Internacional, 1900; *El jugador. Las noches blancas* / Trad. de Eusebio Sierra. Barcelona: Maucci, 1902; *Los Presidios de Siberia. Cuadros Carcelarios* / Trad. de Augusto Riera. Barcelona: Maucci, 1903; *Tres novelas (El subsuelo, El cocodrilo y Projarchin)* / Versión castellana de R. Cansinos Assens. Madrid: Biblioteca Nueva, 1920. См.: *Fernández-Couto Tella M.* Catálogo da Biblioteca de Emilia Pardo Bazán. La Coruña: Real Academia Galega, 2005. P. 171.

⁷¹ В числе прочих исследований на эту тему см.: *Багно В.Е.* Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. Л.: Наука, 1982; A propósito de las fuentes de «La Revolución y la novela en Rusia» de Emilia Pardo Bazán // Torres, José Carlos de (coord.): *Estudios de literatura española de los siglos XIX y XX.* Madrid: CSIC, 1998. P. 162–166.

⁷² Pardo Bazán E. La revolución y la novela en Rusia. P. 425, 393.

⁷³ *Ibid.* P. 356.

⁷⁴ *Ibid.* P. 357, 379, 368. Эта мысль заимствована графиней из книги: *Vogüë E. M. de.* Le roman russe. Paris: Plon, 1886. P. 237.

⁷⁵ *Ibid.* P. 377, 366.

благодаря чему с самого начала XX в. испанская литературно-художественная и критическая мысль оказывается направленной в сторону углубленного осмысления творчества Достоевского. Прежде всего это попытка понять, в чем заключается его универсальное значение и национальное своеобразие. Еще рано делать какие-то выводы в этом отношении, но нет сомнения в том, что его творчество сразу же вошло в плоть и кровь испанского художественного менталитета и стало катализатором новых идей в национальной духовной культуре.

Одновременно с остранным-критическим анализом произведений Достоевского как иноязычного автора в испанской литературной среде очень рано начинается, пусть не столь заметное и поверхностное, творческое освоение идейно-художественного наследия Достоевского, заимствование или переосмысление его тем и мотивов. Испанское литературоведение почти сразу заметило это влияние Достоевского, которое в силу ряда причин опередило Западную Европу и Северную Америку, где по свидетельству И. Мильяна, этот феномен стал ощутим лишь после 1905 г.⁷⁶

Живым свидетельством глубокого осмысления наследия Достоевского является ряд пронизательных наблюдений автора испанского реалистического романа Пио Барохи. Восторженный поклонник Достоевского⁷⁷, Бароха отмечал, что Достоевский олицетворяет собой милосердие, но милосердие прежде всего по отношению к слабым и униженным, преклоняющееся перед их страданием⁷⁸. Позже он назовет Достоевского «юмористом»⁷⁹, «восточным человеком»⁸⁰, «одержимым страстями»⁸¹, создателем произведений «дикого пессимистических», в которых он обнажает «свою беспокойную и дионисийскую душу»⁸², «гениальным человеком»⁸³, «потрясающим романистом», но заурядным философом⁸⁴, а также «народником»⁸⁵, характеризуя его, наравне

⁷⁶ Millán I. Dostoiewsky // Dostoiewsky y Tolstóy. Novelas y cuentos. Estudios preliminares por Ignacio Millán y José E. Iturriaga, trad. de Ricardo Baeza, Alfonso Nadal y Vera Makarov. Barcelona: Ediciones Océano, 1981. P. 28–33.

⁷⁷ Baroja P. Desde la última vuelta del camino. Memorias VII. Bagatelas de otoño // Baroja P. Obras completas. Madrid: Biblioteca Nueva, 1949. P. 314.

⁷⁸ Baroja P. El naturalismo: Dostoiewsky // La Unión Liberal. 1890. N 356. 17/III, P. 2; Baroja P. Escritos inéditos. Vol. 1: Hojas sueltas / Prólogo y notas de Luis Urrutia Salaverri, Madrid: Caro Raggio. 1973. P. 69–73.

⁷⁹ Ср.: La caverna del humorismo (1919) // Baroja P. Obras completas. T. V. Madrid: Biblioteca Nueva. 1948. P. 445.

⁸⁰ Divagaciones apasionadas (1924) // Ibid. T. V. P. 501.

⁸¹ Intermedios (1931) // Ibid. T. V. P. 709.

⁸² Baroja P. Desde la última vuelta del camino. Memorias I. El escritor según él y según los críticos. Madrid: Biblioteca Nueva, 1952. P. 93.

⁸³ Ibid. P. 115. Здесь же он пишет: «Я верю, что Диккенс, Бальзак, Достоевский, Толстой — гении, но не могут породить себе подобных: среда мешает».

⁸⁴ Ibid. T. V. Memorias IV. Galería de tipos de la época. Madrid: Biblioteca Nueva, 1947. P. 46.

⁸⁵ Rapsodia (1936) // Baroja P. Obras completas. T. V. P. 960; Memorias IV. P. 274.

с Толстым, как одного из великих мировых писателей⁸⁶ и сближая одновременно с Шопенгауэром и Ницше на основе свойственного всем трем неприятия либеральных идей⁸⁷. Кроме того, по наблюдению Барохи, Достоевский принадлежит к тем, кто «возводит свою башню в месте, открытом всем ветрам»⁸⁸ и предлагает обществу «новые духовные ориентиры»⁸⁹, «будучи по природе своей бунтарем, не признающим законов, но не оторванным от христианских корней»⁹⁰. Нельзя не упомянуть здесь и об очерке Барохи «Раздвоение Достоевского»⁹¹, о котором скажем чуть позже.

Проблема влияния Достоевского на творческое сознание писателя той же поры Бенито Переса Гальдоса не была еще в достаточной степени освещена в исследовательской литературе. Отчасти проливает свет на этот вопрос М. Лопес Баральт в статье «Гальдос и Достоевский: взгляд на проблему двойничества с позиций интертекстуальности» (1997)⁹².

Как можно убедиться, в Испании сравнительно мало работ, посвященных рецепции произведений Достоевского со стороны писателей реалистического направления. Значительно больший интерес проявили исследователи к идейной близости Достоевского творческим исканиям писателей, тяготеющих к модернизму. Глубокий след Достоевский оставил в душе представителей «поколения 1898 года», известного своим либерализмом, духовными исканиями, горячим желанием преобразования Испании в духе национального идеала и сделавшим первые шаги к обновлению художественной формы. Как и предыдущее поколение реалистов, они судили о Достоевском не с чужих слов, а исходя из непосредственного впечатления от знакомства с его произведениями, тематика которых продолжала оставаться для них актуальной в силу интереса к проблеме национального характера и народной души, остро стоявшей в Испании в эпоху глобального кризиса и поиска новых перспектив общественного развития. Ярким примером восторженного отношения к Достоевскому можно считать сказанные в 1914 г. слова писателя и философа Мигеля де Унамуно, который считал себя поклонником Л. Толстого: «Образ России, сложившийся в моей душе, *моя* Россия, родилась

⁸⁶ *Baroja P. Memorias IV. P. 46.* Далее он пишет, что «Диккенс, Достоевский, Толстой не нуждались в том, чтобы изобретать новые системы, к созданию вещей необыкновенных их вел ум, темперамент и художественная интуиция» (P. 215).

⁸⁷ *Baroja P. Desde la última vuelta del camino. Memorias (1944–1949). Madrid: Biblioteca Nueva, 1979. P. 689; Memorias IV. P. 214.* А первоначально он называл Достоевского «анархистом» (Memorias I. P. 137).

⁸⁸ *Memorias IV. P. 81.*

⁸⁹ *Intermedios (1931) // Baroja P. Obras completas. T. V. P. 712.*

⁹⁰ *Rapsodia (1936) // Ibid. P. 903.*

⁹¹ *El desdoblamiento psicológico de Dostoievski // Pequeños ensayos (1943) // Ibid. P. 1066–1071.*

⁹² *López Baralt M. Galdós y Dostoievski: una mirada intertextual al problema del doble // Revista de estudios hispánicos. 1997. Vol. 24. N 1. P. 47–68.*

из чтения произведений русских писателей, в особенности Гоголя, Тургенева, Толстого и Горького, но в большей степени всё же Достоевского. Признаюсь, Достоевский для меня — главный источник сведений о России. Моя Россия — это Россия Достоевского, и если действительная, подлинная Россия не такова, как ее изображает Достоевский, то всё, что я скажу, не будет иметь связи с реальным положением вещей, но оттого не будет и бессмысленным. Я даю Богу обет во имя триумфа философии, стоящей за той концепцией и образом мира, носителем которых был Достоевский <...> И все, о чем я говорю, я говорю с опорой на знание той России, которая предстает передо мной в творчестве Достоевского, России „идиота“, Раскольникова, Духа русского подполья»⁹³.

Для поэта Антонио Мачадо, стоящего на границе между «поколением 1898 года» и новой испанской литературой («поколения 1927 года»), русская литература является отражением души русского народа — народа христианского, сохранившего в своей незамутненной вере живой образ Христа и потому духовно близкого испанскому народу. Опираясь на малоизвестные статьи А. Мачадо, опубликованные в начале 1930-х гг., и предполагая, что тот мог читать Достоевского в ранних барселонских переводах, Л. Бонет раскрывает традиции Достоевского в наследии испанского поэта, связанные с его антикатолической позицией, пристрастием к идеям славянофильства и народного христианства, характерные для его ранней философской и социально-политической прозы, и отходом в сторону социализма в более поздних очерках середины и конца 1930-х гг.⁹⁴

Поднимая вопрос о проблеме национального идеала в творчестве Достоевского и испанских писателей начала XX в., литературные критики обнаружили не только контактные, но и генетические связи Достоевского с испанской литературой эпохи Возрождения. В предисловии к Полному собранию сочинений Достоевского 1969 г. А. Видаль назвал князя Мышкина «русским Дон Кихотом», впервые в Испании обратившись к теме «Достоевский и Сервантес», которая стала центральной как в испанском достоевковедении, так и в русской испанистике второй половины XX в. По этому вопросу уже существовала научная литература на других языках, — ее обзор и анализ даются в книге В. Е. Багно «Дорогами „Дон Кихота“»⁹⁵. Среди работ по данной теме,

⁹³ *Unamuno M. de. Un extraño rusófilo // La Nación. 1924. N 28. P. X.* Также в издании: *Unamuno M. de. Obras completas. IX. Discursos y artículos. Madrid: Editorial Escelicer, 1971. P. 1246–1251.* См. об этом: *Korkonosenko K. Miguel de Unamuno, «un extraño rusófilo» // Cuadernos de la Cátedra de Miguel de Unamuno. 2000. N 35. P. 13–25; Корконосенко К. С. Мигель де Унамуно и русская культура. СПб.: Европейский дом, 2002.*

⁹⁴ *Bonet Mojica L. Antonio Machado y el Cristo ruso // AA. VV.: Antonio Machado: El poeta y su doble. Intervenciones del Simposio celebrado en la Universidad de Barcelona los días 14, 15 y 16 de marzo de 1989. Barcelona: Universitat de Barcelona — Caixa de Catalunya, 1989. P. 101–130.*

⁹⁵ *Багно В. Е. Дорогами «Дон Кихота»: Судьба романа Сервантеса. М.: Книга, 1988.*

опубликованных на испанском языке, назовем статьи русских исследователей В. Е. Багно, К. А. Баршта, Н. А. Арсентьевой, а также работу французского исследователя М. Шевалье⁹⁶.

Еще одно интересное, «тройное», сопоставление появляется в работе историка философии Цезаря Гуарде Паса⁹⁷, который проводит параллель между Дон Кихотом, князем Мышкиным и персонажем средневековой китайской литературы, восходящей к героическому эпосу VIII в. до н. э. Каждый из героев в условиях общественной деградации, по мнению исследователя, стремится по-своему возродить национальные идеалы: идеалы рыцарской литературы в романе Сервантеса, русское народное православие в романе «Идиот», духовные ценности даосизма в творчестве Цзинь Юна. Изображая своих героев изгоями, испанский, русский и китайский писатели обрекают миссию преобразования человека и общества на неудачу, что привносит в повествование оттенок трагизма. Несмотря на кажущийся анахронизм, романы, с точки зрения автора статьи, объединяет проблема кризиса ценностей, которую писатели решают с помощью героя, обладающего высоким началом самопожертвования и верности своему долгу.

Проблемы, охваченные испанским литературоведением в рамках изучения литературных связей, затрагивают и вопрос о влиянии экзистенциальной проблематики творчества Достоевского на испанскую литературно-философскую мысль. На творческую близость в этом отношении Достоевского и М. де Унамуно, отмеченную в свое время Б. В. Эджертоном и Г. Годоем⁹⁸, указывает современный исследователь Х. А. Ита Хименес. По его мнению, с Достоевским Унамуно сближает трагическое мировосприятие, наиболее ярко отразившееся в очерке «О трагическом чувстве жизни». Во многом совпадая в своих суждениях с К. Корконосенко, Л. Бонетом и А. Грэйсом Мегвиновым, разрабатывающими то же направление, он показывает, как своеобразно преломляются традиции Достоевского в повести Унамуно «Святой Мануэль Добрый, мученик» (1931), обращенной к проблеме трагической свободы. В обоих произведениях речь идет о кризисе религиозной веры

⁹⁶ *Bagnó V.* El Quijote en los borradores de «El idiota» de Dostoiévski // *Anales cervantinos*. 1994. T. 32. P. 265–270; *Barst K.* El signo cervantino en el «cuaderno de apuntes» de F. M. Dostoiévskij / Trad. del ruso por Enrique J. Vercher García // *Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos*. 2006. N 5. P. 63–76; *Arséntieva N.* Dostoiévski: Clave del «código Cervantes» // El Quijote y el pensamiento teórico-literario: Actas del Congreso Internacional celebrado en Madrid los días del 20 al 24 de junio de 2005 / Miguel Ángel Garrido Gallardo y Luis Alburquerque García (eds.). Madrid: CSIC, 2008. P. 353–372; *Chevalier M.* Cervantes, Rousseau, Dostoiévski // *Ínsula: revista de letras y ciencias humanas*. 1991. N 538. P. 15–16.

⁹⁷ *Guarde Paz C.* «Pochvennistchestvo» y diáspora china: dos visiones del nihilismo occidental a través de «El idiota» de F. M. Dostoiévski y el género «wu xia» de Jin Yong // *La Torre del Virrey: revista de estudios culturales*. 2010. N 9. P. 83–101.

⁹⁸ См.: *Edgerton W. B.* Spanish and Portuguese Responses to Dostoiévskij // *Revue de littérature comparée*. 1981. N 55 (3/4). P. 419–438; *Godoy G. L.* Dos mártires de la fe, según Dostoiévski y Unamuno // *Cuadernos de la Cátedra Miguel de Unamuno*. 1970. T. 20. P. 31–40.

и образе «Великого инквизитора», обманом стремящегося сделать людей счастливыми, внушая им то, во что герой не верит сам⁹⁹.

После десятилетнего перерыва, вызванного событиями революционных лет и гражданской войны, в условиях франкистского режима в испанских интеллектуальных и литературных кругах возобновился интерес к религиозно-философской и экзистенциальной проблематике творчества Достоевского. И здесь нельзя пройти мимо очерка «Христианство Достоевского», философа Х. Л. Лопеса Арангурена, который поставил перед собой задачу определить характер и природу мировоззрения Достоевского в соотнесенности с современными ему философскими течениями, так как видел в нем не столько антидогматизм, как Д. Паччини, сколько опору религиозным устремлениям неортодоксально мыслящего католического философа, находящегося в оппозиции к нигилизму и релятивизму. Для Арангурена важно прежде всего то, что Достоевский отстаивает трансцендентную метафизику бытия Божия и иррациональной природы человеческой души. Сближая наследие Достоевского с философией христианского экзистенциализма, подчеркивая его приоритет в открытии этого идеологического направления по сравнению с западными мыслителями и соотечественниками в лице Шестова и Бердяева, Арангурен исследует понятие «вера» у Достоевского как онтологическую категорию, понимаемую в свете религиозно-мистического восприятия христианства как надежный способ разрешения противоречий и веский аргумент в философской полемике. По мнению Арангурена, Достоевский ставит этическое сознание человека в зависимость от его веры¹⁰⁰.

Постепенно религиозно-философская проблематика становится центральной в испанских литературно-критических и научных работах 1960–1970-х гг. о Достоевском. В этот период внимание уделяется преимущественно анализу романов «Бесы» и «Братья Карамазовы»: в них были затронуты злободневные проблемы современности, особенно актуальные в связи с кризисом западного общества и «коммунистической угрозой»¹⁰¹. В настоящее время изучение религиозно-философской и этической проблематики Достоевского продолжают С. Гомес-Санчес («Коллаковский и религия: раздумья над одним из текстов Достоевского»)¹⁰², Ж. Морильяс («Спасение любовью: Библия в жизни и творчестве

⁹⁹ См.: *Hita Jiménez J.A.* El problema de la libertad trágica en «El Gran Inquisidor» y «San Manuel Bueno, mártir» // Traducción, lengua y cultura. Actas de VIII Jornadas hispano-rusas de Traducción e Interpretación. Granada: LIZO, 2004. P. 297–307.

¹⁰⁰ На связь Достоевского с философией и этикой экзистенциализма указано также в упомянутой нами работе А. Мегвинова, по мнению которого, Достоевский предварил экзистенциализм Камю и Хорхе Гильена.

¹⁰¹ *Elizalde Armendariz I.* Se publica en Rusia la correspondencia de Dostoiewski, testimonio cristiano contra el comunismo // Razón y Fe. 1959. T. 160. N 743. Dic. P. 481–489.

¹⁰² *Gómez Sánchez C.* Kolakowski y la religión: reflexiones sobre un texto de Dostoievski // Pensamiento: Revista de investigación e información filosófica. 1990. N 182. P. 201–224.

Достоевского»¹⁰³, а также А. Мерино Барро («Диалектика добра и зла у Достоевского»)¹⁰⁴ и М. Диас Маркес («Свет Достоевского»)¹⁰⁵.

Для углубленного изучения проблемы экзистенциализма в русско-испанском литературном опыте чрезвычайно важны такие моменты в восприятии Достоевского в Испании, как его творческие связи с философией Ф. Ницше, которые были замечены Хулио Худериясом еще в 1903 г.¹⁰⁶, а в наши дни стали междисциплинарной проблемой, равным образом притягательной и для писателя Бэлы Мартыновой¹⁰⁷, и для философа Х.Б. Линареса¹⁰⁸, который трактует ее с позиций современной антропологии, выявляя ницшеанскую герменевтику ряда произведений Достоевского. Над той же темой, но в ином ключе и в полемике с другими исследователями на протяжении многих лет напряженно работают А. и Ж. Морильяс, закладывая прочный филологический фундамент для сопоставления Достоевского и Ницше, необходимый для того, чтобы избежать односторонности и упрощенного взгляда на эту проблему¹⁰⁹.

Изучением вопроса о связи мировоззрения Достоевского и других европейских писателей занимаются такие специалисты в области истории философии, как Л. Ла Рубиа де Прадо из университета Гранады и валенсиец Х. Алькориса¹¹⁰.

Эстетика и новаторство художественной формы

Идейно-философское значение творчества Достоевского не стало для испанцев важности его художественных открытий. В заметке «Психологическое раздвоение Достоевского», опубликованной

¹⁰³ *Morillas Esteban J.* 1) La imagen de Cristo en Dostojewskij // *Espiritu*. 2002. T. LI. N 126. Jul.–dic. P. 287–295; 2) La redención a través del amor: la Biblia en la vida y obra de Dostoiévski // *Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos*. 2006. N 5. P. 77–94.

¹⁰⁴ *Merino Barrio A.* Dialéctica entre el bien y el mal en Fedor M. Dostoiévski. Tesina de la Universidad de Salamanca. 1973 (Toledo, 1985).

¹⁰⁵ *Díaz Márquez M.* La luz en Dostoiévski. Sevilla: Ediciones Casas, 2012.

¹⁰⁶ *Juderías J.* Dostoiévski y Nietzsche // *La Lectura*. 1903. Sept. P. 157.

¹⁰⁷ *Martínez I.* Dostoiévski frente al nihilismo // *Cuenta y Razón*. 2002. N 124. P. 48–52.

¹⁰⁸ *Llinares Chover J.B.* 1) Nietzsche descubre a Dostoiévski. Notas sobre la lectura nietzscheana de «La patrona» // *Estudios Nietzsche: Revista de la Sociedad Española de Estudios sobre Friedrich Nietzsche*. 2009. N 29. P. 67–90; 2) Una lectura antropológica de «Memorias de subsuelo» de Dostoiévski // *Thémata: Revista de filosofía*. 2007. N 39. P. 443–450; 3) *Antropología filosófica i literatura: la lectura nietzscheana d' Apunts del subsòl de F. Dostoiévski // Quaderns de Filosofia i Ciència*. 2008. N 38. P. 41–57.

¹⁰⁹ *Morillas A., Morillas J.* Bases filológicas para una comparación entre F.M. Dostoiévski y F. Nietzsche // *Estudios Nietzsche. Revista de la Sociedad Española de Estudios sobre Friedrich Nietzsche*. 2011. N 11. P. 163–190.

¹¹⁰ См.: *La Rubia L.* Recursos narrativos y repercusiones filosóficas: el Doppelgänger en la literatura de ideas (Gógol, Dostoiévski y Kafka) // *Endoxa: Series Filosóficas*. 2010. N 26. P. 107–136; *Alcoriza J.* Dostoiévski y su influencia en la cultura europea. Madrid: Editorial Verbum, 2005.

24 апреля 1938 г., П. Бароха отмечает, что в произведениях писателя «отражена жизнь бессознательного»¹¹¹. К числу художественных открытий Достоевского он относит также «полифонию» как искусство изображения «другого». Это объясняет в значительной мере кажущуюся противоречивость мышления писателя¹¹². Но сам диалогизм и многоголосие у Достоевского Пио Бароха как писатель реальной школы, не перешедший в русло модернизма, склонен считать аномальным явлением шизофренической природы, исходя из научных определений психических расстройств своего времени. Более объективная оценка новаторства романной техники Достоевского с позиций философской эстетики, принадлежит Ортеге-и-Гассету, автору очерка «Воля барокко»¹¹³. Хотя в Испании с тех пор не появилось ни одной монографии об эстетике и поэтике Достоевского, в отдельных критических очерках и статьях содержится немало ценных и тонких наблюдений над стилем русского писателя и особенностями его художественного мира. Так, Х.Л. Лопес Арангурен относит Достоевского к писателям-экзистенциалистам на том основании, что в его книгах содержится бесценный опыт романного переживания новой стадии человеческого существования, отражающей кризис традиционных ценностей, проверки нравственно-психологического состояния человека, находящегося на стадии перехода к нигилизму и атеизму и попыток устроения своей жизни без Бога. Для определения жанровой специфики романов Достоевского Арангурен использует термин «экзистенциальный роман». В уже упоминавшейся нами книге о христианстве писателя (гл. «Достоевский и роман»), Арангурен изучает жанрообразующие признаки этой новой романной формы, имеющей синкретическую природу, в которой своеобразно переплавляются элементы романтизма и реализма и преодолеваются традиции психологического романа, перерастающего в особую повествовательную форму — роман-ситуацию, выводящую героя за рамки повседневности, в результате чего он переживает внутренние потрясения и особые состояния, которые можно назвать трансцендентными. Они не имеют ничего общего с обычной тривиальной психологией и обусловлены религиозно-нравственными исканиями героев, жаждой идеала и осознанием своего несовершенства. Таким образом, Лопес Арангурен, как и русская литературная критика Серебряного века, стоит на пороге открытия эстетических принципов, позволяющих отнестись творческий метод и жанровое своеобразие произведений Достоевского к литературной мистике, в чем нам видится его несомненная заслуга перед достоевковедением.

¹¹¹ См.: *Baroja P. Obras completas*. 1948. T. V. P. 1068.

¹¹² *Ibid.* P. 1069.

¹¹³ *Ortega y Gasset J. La voluntad del barroco // España*. 1915. 12. VIII. P. 3–4. Опубликована также в изд.: *Ortega y Gasset J. Obras completas*. Madrid: Revista de Occidente, 1953. P. 403–406; *Ortega y Gasset J. Meditaciones sobre la literatura y el arte. La manera española de ver las cosas*. Madrid: Ed. De Inman Fox, 1987.

Весомый вклад в изучение эстетики Достоевского внес Л. Бельтран Альмерия, профессор кафедры общей лингвистики и теории литературы из университета Сарагосы. В своих выступлениях на конференциях, публичных лекциях и в статьях о Достоевском он показал на примере романа «Идиот», полемизируя с существующими прочтениями Достоевского по Бахтину¹¹⁴, связь творческого метода Достоевского с символизмом. Бельтран Альмерия высказал мысль о том, что русский гений перерос символизм еще до его оформления в особое направление русской литературы. В противовес тем исследователям, которые считают Достоевского представителем реализма, Бельтран Альмерия определяет его эстетику как «гротескный символизм»¹¹⁵ на том основании, что в произведениях писателя присутствуют элементы гротеска, противостоящие «идиллическому хронотопу». Для современного испанского писателя Х. Хименеса Лосано природа художественного дарования Достоевского также двойственна: с одной стороны, он реалистически точен в своих наблюдениях над душевной жизнью человека, с другой — поражает своей способностью «воспринимать мир и человека как невыразимую и неизъяснимую загадку»¹¹⁶.

Изучая жанровую природу произведений Достоевского, испанские критики и литературоведы пришли к выводу, что русский писатель является предтечей новой европейской прозы XX в. Так, критик Х. Доминго убеждает нас в том, что «Преступление и наказание» — самый совершенный по форме роман Достоевского (органично сочетающий авантюренность, элементы детектива с тонким психологизмом, содержащий мотив победы добра над злом) — по всем признакам является ранним образцом психологического триллера. Но более всего критика восхищает роман «Братья Карамазовы», который он называет «гениальным творением человеческого духа», шедевром европейской христианской литературы, единственным в своем роде. Объектом наблюдений Х. Доминго становится художественная структура романа. Пульс национальной жизни бьется здесь и в кружке гимназистов, и в семействе Карамазовых, и в духовном опыте монастырских старцев. Связующим звеном между ними выступает послушник Алеша, волей судьбы вынужденный пропускать через себя боль и страдание ближних и быть в эпицентре абсолютно противоположных идей и влияний. Обладающий особой мистической чувствительностью, он единственный из всех героев способен сохранить

¹¹⁴ См. его доклад «Una crítica a la lectura bajtiniana de „El idiota“», сделанный на конференции «Религия и философия в жизни и творчестве Достоевского» в Барселоне (сентябрь 2006 г.). См. также: *Beltrán Almería L.* El pensamiento de Dostoevski // Riff Raff: revista de pensamiento y cultura. 2009. N 41. P. 69–74.

¹¹⁵ *Бельтран Альмерия Л.* Достоевский и символизм // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте». Избранные доклады и тезисы. М., 2008. С. 145–146.

¹¹⁶ *Хименес Лосано Х.* Три встречи с Достоевским / Пер., вступ. заметка и примеч. А. В. Ковровой // Достоевский. Материалы и исследования. №18. СПб.: Наука, 2007. С. 290–309.

спасительную для души веру в Бога. Поэтому именно на него, как считает Х. Доминго, возложена роль миссионера — проповедника евангельской любви, ведущей к примирению всех противоречий¹¹⁷.

Исследования испанских литературоведов в области стиля писателя немногочисленны. По этому поводу критик И. Мильян замечает, что незнание русского языка затрудняет изучение испанцами некоторых сторон творчества Достоевского¹¹⁸. Поэтому примечательна научная позиция Х. А. Иты Хименеса из университета Гранады, который считает, что исследования поэтики Достоевского должны начинаться с изучения достижений русских ученых в данной области. Эту задачу он с успехом реализует в монографиях «Достоевский в русской критике» и «Новый взгляд на творчество Достоевского»¹¹⁹, где дает полномасштабный обзор литературно-критических и научных работ о Достоевском, особо выделяя вклад В. Е. Ветловской.

Не довольствуясь традиционными методами анализа художественных произведений и мнением авторитетов, молодое поколение испанских ученых ищет новые пути проникновения в творческую лабораторию писателя. В этом отношении интересен подход гранадского исследователя Б. Барроса, нашедший отражение в его докторской диссертации и научных статьях, где он впервые применяет данные прикладной лингвистики, математической статистики и теории восприятия к анализу стиля и способов выражения авторского сознания у Достоевского с учетом присутствия в нем образа читателя¹²⁰.

Традицию изучения интердискурсивности творчества Достоевского, заявленную в зарубежном достоевковедении, развивает А. Сириа, анализируя обнаруженный им у Достоевского мотив земли в творческом сознании Тарковского¹²¹. Г. М. Торе находит общие мотивы у режиссеров, занимающихся экранизацией литературных произведений, в том числе и по мотивам произведений Достоевского¹²². Есть и другие, не менее интересные работы на эту тему, отраженные в библиографическом приложении.

¹¹⁷ *Domingo J.* Dostoiévski. Vida y obra // Dostoyevski F. Crimen y Castigo. Los hermanos Karamazov / Ilustraciones de Ramón Aguilar More. Barcelona: Ediciones Nauta, 1975. P. 28–33.

¹¹⁸ *Millán I.* Dostoiévsky // Dostoiévsky y Tolstóy. Novelas y cuentos / Estudios preliminares por Ignacio Millán y José E. Iturriaga, trad. de Ricardo Baeza, Alfonso Nadal y Vera Makarov. Barcelona: Ediciones Océano, 1981. P. 28–33.

¹¹⁹ *Hita Jiménez J. A.* 1) Dostoiévski en la crítica rusa. Granada: Ediciones Osuna, 2002; 2) Nueva visión de la obra de Dostoiévski. Granada: Universidad de Granada, 2003.

¹²⁰ См., например: *Баррос Гарсия Б.* Вклад новой лингвистики в анализ риторики в произведениях Ф. М. Достоевского // Русский язык и русская речь в XXI веке: Проблемы и перспективы / Пер. с исп. Ижевск: УдГУ, 2007; <http://www.tonosdigital.com/ojs/index.php/tonos/article/view/395/273>

¹²¹ *Ciria A.* La tierra como elemento artístico en Dostoiévski y Tarkovski // *Thémata: Revista de filosofía.* 1997. N 18. P. 171–178.

¹²² *Tore G. M.* La gaya ciencia de la traducción y la adaptación cinematográfica (sobre Dostoiévski, Bresson, Sokurov... y otras semióticas) // *Revista Anthropos: Huellas del conocimiento.* 2007. N 216. P. 83–90.

Достоевский и наука

В новом феноменологическом методе, проявившемся уже в самых ранних произведениях Достоевского, был заложен научный подход к анализу явлений, связанных с проникновением в тайны мира и человека.

Ранее других на Достоевского обратили внимание испанские юристы. В 1893 г. вышла статья Г. Тарде¹²³, вызвавшая живой интерес к этой теме; через пять лет на испанский язык был переведен очерк А. Кони о Достоевском-криминалисте¹²⁴. В этой связи следует упомянуть и книгу М. Т. Каньяс «Достоевский и самоубийство» (2003)¹²⁵.

Не менее интересными для испанцев оказались открытия писателя и в области медицины. Так, исследователь А. Пига находит в русской литературе в целом и у Достоевского в частности сведения и наблюдения, имеющие значение для изучения феномена алкоголизма¹²⁶. Имя Достоевского звучит и в связи с характерной для фрейдистских исследований темой «эдипова комплекса»¹²⁷. Не обойден вниманием так же широко известный факт, что Достоевский страдал эпилепсией. В статье «*Morbus sacer* Достоевского» медик Себастьян Диега, исходя из опыта современной медицины, высказывает парадоксальное суждение о благоприятном влиянии этого заболевания на душевное здоровье писателя, предотвратившем, по его мнению, развитие идиотизма на почве нервных расстройств, вызванных тяжелыми жизненными обстоятельствами. Кроме того, экстатическая природа эпилепсии трактуется в религиозно-философском контексте творчества Достоевского — как переживаемый самим писателем и некоторыми его героями мистический опыт соприкосновения с высшим началом жизни. Подлинным событием в научном мире стала докторская диссертация Ивана Иньесты «Болезни в творчестве Достоевского», защита которой состоялась в Мадридском университете Комплутенсе¹²⁸.

Упомянутая нами И. Мартинес Фернандес находит у Достоевского зачатки науки социологии и оригинальный подход к изучению феномена бюрократии¹²⁹.

¹²³ Tarde G. La arqueología criminal // La España Moderna. 1893. T. LVIII. P. 43–85.

¹²⁴ Koni A. F. Dostoiévsky criminalista (traducido del ruso) // Revista contemporánea. 1899. 30. IV. P. 120–136.

¹²⁵ Cañas M. T. Dostoiévsky y el suicidio. Valladolid: Editorial Azul, 2003.

¹²⁶ Piga A. La literatura rusa y el alcoholismo. Madrid: Escorial, 1932.

¹²⁷ Cabaleiro Goas M. Mischkin y Dostoiévsky // Werther, Mishkin y Joaquín Monegro vistos por un psiquiatra. Trilogía patográfica. Barcelona: Editorial Apolo, 1951.

¹²⁸ Iniesta I. La enfermedad en la literatura de Dostoyevski. Universidad Complutense de Madrid, 2004 // <http://eprints.ucm.es/tesis/med/ucm-t27773.pdf>. Одна из последних работ данного автора под названием «Эпилепсия в художественном сознании Достоевского» была опубликована в журнале «Неврология» (Iniesta I. La epilepsia en la gestación artística de Dostoiévsky // Neurología, 2011 / [http://www.elsevier.es/eop/S0213-4853\(11\)00246-5.pdf](http://www.elsevier.es/eop/S0213-4853(11)00246-5.pdf)).

¹²⁹ Martínez I. Dostoiévsky: de la igualdad a la diferencia: ensayo sobre la burocracia. Madrid: Biblioteca Nueva, 2003.

Творчество Достоевского как политический дискурс стоит в центре внимания испанских политологов, к которым относит себя и Х.Л. Лопес Арангурен. Разделяя религиозные убеждения русского писателя, Арангурен не согласен с его политическими взглядами, считая его реакционером, поставившим свой талант на службу консервативным силам в лице русской монархии и православной церкви, всегда отличавшихся нетерпимостью и радикализмом по отношению к иным верованиям, в том числе — католицизму. Социально-политическая мысль писателя совершенно не устраивает Арангурена. Переходя к анализу идеала общественной жизни, или «христианского социализма Достоевского», изложенного в «Дневнике писателя», Арангурен находит социально-политическую позицию русского писателя уязвимой во многих отношениях. По его мысли, в решении социальных проблем Достоевский отрицал допустимость революционного вмешательства в ход событий, но вместе с тем оставлял открытым вопрос о методах борьбы с таким общественным злом, как обнищание народа, предпочитая позицию конформизма в отношении государственной власти в духе христианского смирения. По мнению Арангурена, отсутствие позитивной программы общественных преобразований, критика идей социального прогресса привели к возникновению в творческом сознании Достоевского реакционного и утопического по своей природе мифа сращения православия и государственного монархического правления, который возводится у него в степень политического идеала. Арангурен подвергает критике исторический мессианизм Достоевского как явление, своими корнями уходящее в средневековую идею торжества христианской теократии. С его точки зрения, отождествление России с православием у Достоевского сходно идеям испанских националистов 1920–1930-х гг., подготовивших историческую ситуацию тотального подчинения духовной жизни испанского общества государственному католицизму. Арангурен полемизирует с Достоевским как свободный мыслитель, усмотревший противоречие между его социально-политическими построениями и позицией художника и нравственного философа. Занимая позицию идеолога православия, Достоевский теряет привлекательность своих суждений, и его мысли перестают быть духовно значимыми в контексте мировой истории. Однако Арангурен не отказывает Достоевскому в исторической прозорливости, считая, что в 1960-е гг. западное общество стало склоняться к обывательской модели, сформировалась идеология потребительства, как это и предсказал писатель в «Легенде о Великом инквизиторе». О значимости этой «поэмы» для испанцев свидетельствуют размышления А. Грэйса Мегвинова, Л. Кампильяс и Ж. Пегеролес¹³⁰.

¹³⁰ *Megwinoff A.G.E.* Op. cit. P. 106; *Campillos L.* Dostoiévski o la locura ante Dios y la sociedad // República de las Letras: revista literaria de la Asociación Colegial de Escritores. 2000. N Extra 7. P. 197–204; *Pegueroles J.* El hombre del subsuelo contra el Inquisidor. La defensa de la libertad en Dostoyevsky // Espíritu. 2000. Vol. 49. P. 5–12.

Сравнительно недавно к творчеству Достоевского обратились профессиональные историки, примером чему служат статьи Х. М. Валье Порраса и Ж. Морильяса¹³¹.

Наконец, весьма современное звучание в связи с угрозой глобального терроризма приобрела в Испании проблематика романа «Бесы». В монографии «Достоевский против терроризма. От „Бесов“ к Аль-Каиде» (2006) Х. Серрано Мартинес отмечает связь между проблематикой политического насилия в романе Достоевского и современным состоянием проблемы исламского терроризма, чем еще раз подтверждает актуальность идей русского писателя для нашего времени. Есть и другие, совсем новые работы, посвященные этой теме¹³².

Заключение

С первых же откликов на публикацию произведений Достоевского испанская литературная критика обнаружила интерес и глубокое понимание феномена его творчества, и это неудивительно. Многие испанские литераторы конца XIX — начала XX в. принадлежали к культурной элите или имели солидную филологическую подготовку, но, что еще более важно, не довольствуясь непосредственными впечатлениями от чтения произведений, они старались познакомиться с исследованиями творчества Достоевского, опубликованными на других языках, использовать в своих лекциях, очерках и заметках о нем биографические и архивные материалы. Кроме того, они читали переводную биографическую и религиозно-философскую литературу русской эмиграции. Знакомство с «классикой» Серебряного века и работами о Достоевском таких корифеев русской мысли, как Шестов, Бердяев, Мережковский, а позднее и с наследием Бахтина позволило испанским литературным критикам обрести основательные научные знания и ориентиры для своих трактовок. Некоторые деятели испанской культуры и переводчики, пишущие о Достоевском, были родом из России или связаны с ней эпистолярно, таким образом имея доступ к исследованиям о Достоевском, опубликованным на его родине. В случае с испанским достоевведением бывает нелегко отличить литературно-критическую статью от научного исследования. Самые, казалось бы, обычные предисловия к собраниям сочинений писателя, заметки переводчиков, рецензии на переводы, статьи в литературных журналах и альманахах зачастую представляют собой научный интерес и требуют пристального внимания. Что

¹³¹ Valle Porras J. M. Las predicciones de Dostoiévski // Aportes: Revista de historia contemporánea. 2008. N 66. P. 50–63; Morillas J. El valor de la política en la vida y en la obra de F. M. Dostoiévski // La Torre del Virrey. 2009. Serie 3. P. 1–14.

¹³² См. рецензию на эту и другие работы по данной тематике на сайте испанского филиала МОД, автором которого является его председатель Ж. Морильяс: www.ids.agonfilosofia.es

же касается сугубо научной литературы, то она началась с изучения истории переводов и рецепции Достоевского в Испании, которое в результате развилось в масштабную традицию освоения проблемы русско-испанских литературных связей генетического и компаративного характера, ставшую частью профессионального интереса ряда испанских исследователей.

В развитии профессионального достоевсковедения в Испании важную роль сыграли возникшие в конце XX в. отделения славистики и филологические журналы при испанских университетах, сопутствовавший их деятельности интенсивный научный и культурный обмен, а также создание в начале нового столетия испанского филиала Международного общества Достоевского, на портале которого размещена библиография работ о его творчестве¹³³. Плодотворной практикой стало участие испанских ученых в международных конференциях, посвященных творчеству Достоевского, и публикация их работ на русском языке, равно как и публикация достижений русских достоевсковедов на испанском языке. Круг охваченных проблем широк, затронуты все основные аспекты творчества писателя: его мировоззрение, творческий метод и стиль. Если внимание исследователей второй половины XX в. сосредоточено на осмыслении философской и нравственно-этической проблематики творчества Достоевского, то в наши дни заметно выросло количество работ, посвященных эстетике и поэтике писателя, органично влившихся в общий поток научных работ международного значения в этой области. Тем не менее для испанских ученых продолжают оставаться актуальными социально-политические взгляды Достоевского, особенно в связи с новым изданием «Дневника писателя»¹³⁴, а также научные прозрения писателя. Таким образом, можно сделать вывод, что литературно-критическое наследие прошлого века стало мощным фундаментом, на котором выросло в Испании плодоносное дерево науки о Достоевском.

¹³³ См. его сайт на www.ids.agonfilosofia.es

¹³⁴ См.: *Diario de un escritor. Crónicas, artículos, crítica y apuntes / Edición de Paul Viejo. Traducción de Eugenia Bulátova, Elisa de Beaumont y Liudmila Rabdanó. Madrid: Páginas de Espuma, 2010.*